

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.24.49.014

С.В. Ярцев, Ма Янь

**НОВАЯ НАХОДКА СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ
С ТЕМНОЛАКОВЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ РАСКОПОК «АДЖИЭЛЬ I»
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В I В. ДО Н.Э.***

Статья посвящена сероглиняной керамике с темнолаковым покрытием, фрагмент которой был найден в 2023 г. в слое I в. до н.э. — I в. н.э. на территории памятника «Аджиэль I», расположенного на западной границе Боспорского царства. Относительно к общему объему гончарной посуды в регионе, такая керамика в указанное время встречается значительно реже. Очевидно, что использование данной специфической гончарной продукции отражает особенности этнокультурного взаимодействия на Боспоре в эпоху Митридатовых войн и в последующий период правления царей Фарнака и Асандра. По мнению автора, наличие указанной керамики в ряде пограничных мест государства, где в данное время несли службу наемники и военные поселенцы, может свидетельствовать в пользу присутствия там военнотружущих, скорее всего высокого ранга, для которых использование чернолаковой посуды было частью культурной традиции. В ходе нарушения торговых связей и прекращения поступления привычного объема импорта в регион, именно они стали основными потребителями изделий, создаваемых в ходе местного производства имитации подобной посуды. В качестве рабочей гипотезы, автор предлагает считать таких командиров — выходцами из Малой Азии, которые попали на Боспор вместе с понтийской армией Митридата VI Евпатора и остались здесь на службе у царей Фарнака и Асандра. Не исключено, что употреблением такой посуды, указанные ветераны пытались сохранить свою этническую, а возможно и социальную идентичность, пребывая в иной этнической среде.

Ключевые слова: Боспорское царство, Митридат VI Евпатор, Фарнак, Асандр, военные поселенцы, чернолаковая керамика, сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием, «Аджиэль I», Узунларская оборонительная линия, сигнальные башни, царские резиденции.

Сведения об авторах: Ярцев Сергей Владимирович¹, доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Ма Янь², PhD, Университет Внутренней Монголии.

Контактная информация: ¹300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, e-mail: s-yartsev@yandex.ru; ²010021, Китайская народная республика, г. Хух-Хото, ул. Западного колледжа, д. 235, Университет Внутренней Монголии, e-mail: my_history@163.com.

S.V. Yartsev, Ma Yan

**A NEW FIND OF GREY CLAY POTTERY
WITH DARK LACQUER COATING FROM THE EXCAVATIONS OF “ADZHIEL I”
IN THE CONTEXT OF ETHNO-CULTURAL INTERACTION
ON THE TERRITORY OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE 1ST CENTURY BCE**

The article is devoted to grey clay pottery with dark lacquer coating, a fragment of which was found in 2023 in the layer of the 1st century BCE — 1st century CE at the “Adzhiel I” site, located on the western border of the Bosporan Kingdom. Relative to the total volume of pottery in the region, such pottery is much

* Работа выполнена за счет гранта РФФИ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Статья поступила в номер 25 июня 2024 г.
Принята к печати 12 июля 2024 г.

rarer at this time. Obviously, the use of this specific pottery reflects the peculiarities of ethno-cultural interaction in the Bosporus during the era of the Mithridatic Wars and in the subsequent period of the reign of the kings Pharnaces and Asander. In the author's opinion, the finds of the above ceramics in a number of frontier places of the state, where mercenaries and military settlers were serving at that time, could indicate the presence of military personnel, most likely of high status, for whom the use of black-lacquer ware was part of the cultural tradition. Amid disruptions to trade connections and a decline in traditional imports, these military elites became the primary consumers of locally produced imitations of such pottery. As a working hypothesis, the author proposes to consider such military commanders as natives of Asia Minor, who came to the Bosporus together with the Pontic army of Mithridates VI Eupator and stayed here in the service of the kings Pharnaces and Asander. It is not excluded that by using such utensils, these war veterans tried to preserve their ethnic and possibly social identity, staying in a different ethnic environment.

Key words: Bosporan Kingdom, Mithridates VI Eupator, Pharnaces, Asander, military settlers, black-lacquer ceramics, grey-clay ceramics with dark-lacquer coating, "Adzhiel I", Uzunlar defence line, signal towers, royal residences.

About the authors: Yartsev Sergey Vladimirovich¹, Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Ma Yan², PhD, Inner Mongolia University.

Contact information: ¹300026, Russia, Tula, 125 Lenin Ave., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, e-mail: s-yartsev@yandex.ru; ²010021, People's Republic of China, Hohhot, 235 West College Rd., Inner Mongolia University, e-mail: my_history@163.com.

Исследуемый нами с 2017 г. памятник «Аджиэль I» был выявлен на правом юго-восточном склоне Аджиэльской балки — естественном защитном рубеже Восточного Крыма. Балка располагается почти в меридиональном направлении и поэтому отгораживает большую часть Керченского полуострова (Зубарев, Смекалов 2014: 106). Данное урочище характеризуется крутыми обрывистыми склонами и отличается обилием воды. По его дну протекает река одноименного названия, впадающая в Казантипский залив Азовского моря. В окрестностях балки располагаются большие массивы высокопродуктивных земель — черноземов, что вместе с другими особенностями данного района Европейского Боспора, безусловно, способствовало размещению здесь пограничных военных поселений, крепостей и гарнизонов государства (Зубарев, Смекалов, Ярцев 2016: 110—136). Все это также объясняет, почему Узунларская оборонительная линия, укрепленная при царе Асандре башнями (Масленников 2003: 208), фактически брала под защиту именно этот район Восточного Крыма. Частью данной сложной системы фортификации в I в. до н.э., безусловно, являлся и укрепленный форт «Аджиэль I», расположенный на относительно ровной поверхности одного из мысов Аджиэльской балки, в 1,8 км к востоку от сторожевой башни на Узунларском валу № 2 и проезда II (Смекалова 2018: 25, рис. 1; 30, рис. 6; Абрамзон 2022: 6—8, рис. 2).

Выявленный объект располагается в непосредственной близости от археологических памятников «Городище Белинское», «Некрополь городища Белинское», «Аджиэль II», «Аджиэль III» и «Аджиэль IV». Он находится на платообразной поверхности выступающего в сторону Аджиэльской балки мыса и на его резко обрывающихся в балку склонах. Большая часть поверхности поселения сильно задернована и покрыта травяной растительностью. Перепад высот в направлении северо-восток — юго-запад составляет порядка 20 м. Здесь же на крутой обрывистой поверхности расположен мощный зольник с многочисленными черепками гончарной и лепной керамики I в. до н.э. — начала II в. н.э., а также рыболовными грузилами из ручек амфор, фрагментами пирамидальных грузил и печины. Судя по предварительным данным, указанное поселение было укреплено довольно мощными стенами и башнями. Один из участков оборонительной стены шириной более 1,0 м выявлен на северо-западном крае поселения. С противоположной, юго-восточной стороны, на самом краю обрыва был обнаружен фундамент круглого сооружения, предположительно башни. Площадь поселения определялась нами исходя из распространения археологического материала и границы культурного слоя памятника. Установление же точной границы последнего, стало возможным после проведения шурфовок

указанной территории. Судя по предварительным данным, площадь памятника составляет 0,34 га. Исходя из расположения объекта, небольшой гарнизон данного форта, мог контролировать важный участок дороги от прохода II в Узунларской оборонительной линии в сторону Тароны, а также передавать сигнал опасности в сторону Пантикапея. Возможно, также именно здесь в древности существовал мост через р. Аджиэль, что, безусловно, поднимало степень ответственности гарнизона за контролем над данным местом (Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018: 25—29; Ярцев, Филатов 2021: 106—113; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 335—341).

В ходе археологического исследования форта, в слое желто-коричневого суглинка с бутом, камнями и большим содержанием золы I в. до н.э. — I в. н.э. (шурф № 26), на глубине 0,4—0,5 м, был найден фрагмент донца не совсем обычной тарелки размером 9,5×9,8 см (рис. 1). Глина изделия темно-серая, плотная с мелкими белыми включениями и блестками. С внутренней стороны тарелки, где был нанесен орнамент в виде пальметты по кругу, хорошо сохранилось черное лаковое покрытие, отдаленно напоминающее черный лак эллинистического времени. В нашем случае, лак черного цвета, в достаточной степени густой и с матовым отливом, покрывает лишь внутреннюю сторону тарелки. Внешняя поверхность донца сероглиняной тарелки лаком не покрыта. Найденное на «Аджиэль I» изделие, однозначно относится к кругу редкой сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием¹. Конечно, подобная сероглиняная гончарная посуда, в том числе и с лаковым покрытием, бытовала у античного населения Северного Причерноморья (Ольвии, Херсонеса, Боспора) еще в предшествующее время — в IV—III вв. до н.э. (Егорова 2009: 64—70; Масленников 2019: 134, прим. 1). В дальнейшем в III—II вв. до н.э. доля всей неаттической керамики в Северном Причерноморье, включающая в себя и чернолаковую и сероглиняную посуду, неуклонно возрастала (Егорова 2009: 46—70). Однако, новый импульс к производству такой продукции был почему-то получен именно в I в. до н.э., когда сероглиняная посуда с темнолаковым покрытием уже в заметном количестве появляется, в первую очередь, в закрытых комплексах — сторожевых башнях на Узунларском валу (Масленников 2019: 141). Последние, как известно, были возведены Асандром, возможно, когда он был архонтом, и, по большей части, погибли при Полевоне I. Следовательно, период существования данных укреплений не выходит за рамки 40-х — 14/8 гг. до н.э. (Абрамзон 2022: 7). Конечно, некоторые башни и форты, пережили это время и функционировали в последующий период при римских ставленниках на Боспоре (Супренков 2018: 237; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 196—197). Но, судя по материалу, появление и относительное распространение новой волны сероглиняной посуды с темнолаковым покрытием было все же связано с предыдущим временем. Пытаясь определить причины организации данного производства подобных изделий, имитирующих импортную, в том числе чернолаковую посуду (возможно, где-то на территории Южного или Северного Понта), обычно концентрируют внимание на блокаде Помпеем черноморских проливов в ходе войны с Митридатом VI Евпатором (Plut. Pomp., 34—36, 38—39; Dio Cass., XXXVI, 54, XXXVII, 4; Журавлев 2005: 246—247). Но, по мнению А.А. Масленникова, более вероятнее ключевую роль в распространении указанной керамики сыграли события финала правления Фарнака, а также первых лет правления Асандра (Масленников 2019: 141). Именно тогда наблюдались трудности с поставкой импортной посуды в Северное Причерноморье, включая чернолаковую керамику. Поэтому в данное время в Херсонесе и на Боспоре вполне могло быть налажено местное производство, подразумевавшее подражание, насколько это было возможно, распространенным ранее в античном мире формам посуды, в том числе и чернолаковой керамики (Масленников 2019: 141—142).

В своем недавнем исследовании М.Г. Абрамзон справедливо отметил, что многочисленная лепная керамика из башен Узунларского вала может пролить свет на

¹ Выражаю искреннюю благодарность канд. ист. наук, научному сотруднику I категории, хранителю фонда античных городов Северного Причерноморья и византийских древностей ГИМ Д.В. Журавлеву за помощь в определении данной находки.

этнический состав и культуру обитателей данных укреплений (Абрамзон 2022: 7). К этому стоит добавить, что сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием, также происходящая из раскопок указанных памятников, не в меньшей степени может прояснить социальную и этническую специфику людей, проживающих в таких крепостях и сторожевых башнях. На такую возможность указывают и важные обстоятельства, связанные с обнаружением данной керамики, на которые, в своем исследовании, обратил внимание А.А. Масленников. Во-первых, сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием почему-то присутствует не во всех укреплениях, функционировавших при царе Асандре. Где-то она встречается относительно часто, как в сторожевых башнях на Узунларском валу, в других же подобных местах, ее наоборот нет совсем (например, в Кутлакской крепости, некоторых укреплениях в глубине Керченского полуострова) (Масленников 2019: 141). Во-вторых, при изготовлении такой сероглиняной посуды с темнолаковым покрытием в качестве прототипов почему-то выбирались исключительно «зарубежные» формы сосудов (Эгеида, Македония и особенно Пергам), причем уже довольно архаичные к моменту производства местного аналога (Масленников 2019: 141, прим. 3). Все это несколько сужает поиск основных пользователей такой посуды в Северном Причерноморье, ставя под сомнение их боспорское происхождение. Не исключено, что одними из главных заказчиков и потребителей сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием, являлись не жители античных городов Северного Причерноморья, а выходцы из неких центров позднеэллинистического мира, возможно покинувшие родину на волне бурных событий эпохи Митридатых войн и осевшие на Боспоре в период правления царей Фарнака и Асандра. При этом таких людей было не слишком много, ведь большая часть лепной керамики из тех же сторожевых башен на Узунларском валу и других укреплений указанного времени однозначно указывает на местный позднескифский этнический элемент (Масленников 1990: 92—93; 1994: 180—182; Клемешова 2018: 101). Более того, большое количество такой варварской керамики свидетельствует в пользу того, что поздние скифы не только занимались здесь снабжением гарнизонов продовольствием, но и сами составляли значительную часть несущих в подобных местах службу солдат (Клемешова 2018: 101).

Однако нам мало что известно о структуре подразделений и командном составе таких военных поселенцев — выходцев из местной варварской среды. Дело в том, что социальный статус служилого человека обязывал варваров не только участвовать в военных действиях боспорского царя, но и выплачивать определенную ренту — налог за пользование царской землей, правда, нередко отменявшийся на определенный период (Зубарь, Зинько 2006: 138; Виноградов, Горончаровский 2009: 157). Учитывая, что сбором налогов в той или иной военно-административном округе государства обычно занимался его наместник или начальник (КБН 1965: № 36), логично предположить, что именно ему и подчинялись, в первую очередь, гарнизоны варварских поселенцев. Тем не менее, вряд ли именно наместник непосредственно командовал расселенными на территории античного государства выходцами из Барбарикума. Очевидно, что данную функцию осуществляли конкретные командиры данных подразделений. В этой связи, любопытно, что на Боспоре помимо крупных военных чинов хилийархов (КБН 1965: № 36, 53, 58, 984, 1049) и стратегов (КБН 1965: № 1134, 1141, 1179, 1237, 1256), упоминаются еще и спирархи (КБН 1965: № 263), лохаги (КБН 1965: № 36, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251a) и начальники отрядов наемников, например галлов или фракийцев (App. Mithr., 111; КБН 1965: № 666). Наибольший интерес для нас вызывает термин «спира» (или «синтагма»), который обычно использовался для обозначения конкретного воинского подразделения (отряда по 256 человек в армиях эллинистических государств или римского манипула, а в дальнейшем когорты) (Виноградов, Горончаровский 2009: 154, прим. 6). Существует мнение, что разделение Митридатом VI Евпатором своих и союзных войск на отряды и спира (App. Mithr., 87, 108) послужило началом появления подобной тактической единицы и на Боспоре. Не исключено, что помощь в организации таких подразделений — спир в боспорской армии была получена от римских перебежчиков, которые могли создавать их по образцу, хорошо знакомых им когорт

(Виноградов, Горончаровский 2009: 154—155; Наумов 2010: 198—199). Что же касается лохагов, то отряды под их командованием, скорее всего, не имели постоянной численности и по своему количеству отражали ситуацию в конкретном территориально-административном районе государства (Виноградов, Горончаровский 2009: 155).

Все вышесказанное может свидетельствовать о следующем. Известно, что в ходе начала масштабных военных действий в состав действующих вооруженных сил Боспора оперативно включались и военные поселенцы (Виноградов, Горончаровский 2009: 157). Но, в таком случае, последние изначально должны были причислены к какой либо спире или отряду и иметь своих командиров, непосредственно руководившими варварскими контингентами на месте. Именно такие командиры и обеспечивали дисциплину в варварских подразделениях, а также быстрое выполнение приказов командования. В виду важности указанных должностей вряд ли на них могли назначаться люди из варварской среды, родственной основной массе военнослужащих. При этом еще Митридат VI Евпатор, разделивший свое войско, собранное в 63 г. до н.э. для похода в Италию, на шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 108), не мог доверить командование воинскими подразделениями малознакомым ему людям. Скорее всего, на такие важные посты им назначались проверенные в боях и походах опытные воины из офицерского состава армии. Ведь именно их, судя по находкам из погребений воинов Митридата на Боспоре, царь награждал особыми дарами — серебряными фаларами, застегками—медальонами, а также дорогими стеклянными сосудами (Виноградов, Горончаровский 2009: 145—147). В этой связи мы не можем исключить того, что на командных должностях в армии еще со времен Митридата VI Евпатора, находились именно такие люди понтийского происхождения (Наумов 2010: 198, 216). Тем более, есть все основания предполагать, что многие из них, попадая в Северное Причерноморье, оставались здесь жить навсегда. Так, существует мнение, что еще в первой четверти I в. до н.э., после помощи оказанной Херсонесу, не все воины понтийской армии возвратились обратно. В Таврике мог остаться немногочисленный контингент для несения гарнизонной службы в стратегических важных местах (Ланцов 2001: 65—66). В дальнейшем, в ходе финальных событий противостояния Митридата VI Евпатора с Римом, предполагалось, что царь привел с собой на Боспор около 3000—4000 воинов понтийской армии (Наумов 2010: 199). В этом случае, некоторые из ветеранов Митридата VI Евпатора, впоследствии перешедшие на сторону Фарнака и Асандра, вполне могли возглавить и некоторые отряды военных поселенцев в приграничных районах государства. Может быть, феномен использования сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием в пограничных укреплениях Боспорского царства в данное время как раз и отражает сложившуюся неоднородность проходившего здесь службу варварского контингента.

В связи со всем вышесказанным, обратим внимание, что начиная со второй четверти I в. до н.э. из-за бурных событий Митридатовых войн импорт посуды в Северное Причерноморье, в том числе из Малой Азии, резко сократился. На Боспоре в это время массово изготавливается керамика и достаточно высокого уровня достигает производство краснолаковой посуды (Журавлев 2011: 236). Однако в данный период новый импульс получает и выпуск сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием. При этом, по своей форме, многие образцы такой керамики нередко были идентичны изделиям оригинального производства прошлых лет. Таким образом, на Боспоре в указанное время параллельно осуществлялся выпуск двух версий (в красном и черном исполнении) одних и тех же форм сосудов. Они отличались друг от друга только цветом лака (Журавлев, Ломтадзе 2022: 62). Это сложно объяснить только промежуточным этапом перехода моды с чернолаковой керамики на посуду с краснолаковым покрытием. Даже, несмотря на то, что указанные изменения наиболее активно происходили именно в последней четверти I в. до н.э., в т.ч. и в годы правления царя Асандра, когда в пограничных районах государства функционировали военные поселения с доминирующим позднескифским этническим элементом. В этой связи, учитывая, что устойчивой моды на использование чернолаковой посуды у поздних скифов никогда не было (Дашевская 1991: 31),

не совсем понятным выглядит мотивация отдельных представителей таких воинских коллективов, которые в условиях сокращения импорта, принципиально продолжали использовать посуду местного производства, имитирующую привозную аттическую или малоазийскую продукцию. Не исключено, что в данный период в среде местной воинской аристократии окончательно сложилась новая социальная или этническая группа, которая демонстративно позиционировала себя в качестве исключительных потребителей традиционных форм аттической посуды. Возможно, что тем самым указанные люди пытались сохранить свою этническую, а возможно и социальную идентичность, находясь в иной этнической среде. Именно поэтому они длительное время придерживались моды на традиционную керамику, несмотря на то, что последняя вскоре перестанет поступать на Боспор в необходимом количестве и ее место займет продукция местных центров, имитирующая оригинальные образцы. Другое объяснение сочетания позднескифских лепных сосудов с гончарной сероглиняной керамикой с темнолаковым покрытием в боспорских укреплениях найти трудно. Не представляющая никакой материальной ценности сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием, грубо имитирующая импортную чернолаковую посуду, для выходцев из далеких районов Малой Азии, осевших в Северном Причерноморье, вполне могла сыграть роль своеобразного маркера, позволяющего отличить своих от чужих. Следовательно, наличие указанной керамики на Боспоре в одних местах и отсутствие ее в других должно объясняться присутствием или отсутствием в данных укреплениях служилой знати понтийского или иного происхождения, сознательно осознающей себя отдельной этнической и социальной группой.

Таким образом, наличие в слоях «Аджиэль I» сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием среди фрагментов другой гончарной и лепной посуды, в т.ч. позднескифского происхождения, вполне может свидетельствовать о разнэтничности местного гарнизона. Вероятно, причина этого в том, что пребывающие здесь воины, контролировали один из важнейших северных проходов в Узунларской оборонительной линии, через который проходила главная дорога из Центрального Крыма на Тарону и дальше на Пантикапей (Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018: 25—29; Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 336). В этой связи наличие среди воинов указанного форта, обеспечивающего охрану важного участка границы, опытных военачальников, имеющих понтийское происхождение, вполне оправдано. Такие подразделения, скорее всего, входили в отряд или спину, которыми как раз и командовали опытные ветераны Митридата VI Евпатора, перешедшие на сторону Фарнака, а затем и Асандра. На этапе нарушения торговых связей и прекращения поступления в Северное Причерноморье импорта, в т.ч. качественной чернолаковой керамики аттического и малоазийского происхождения, именно они стали основными потребителями изделий местного производства, имитирующих подобную посуду. Не исключено, что использованием такой керамики, непопулярной среди местных варваров, указанные люди пытались сохранить свою этническую, а возможно и социальную идентификацию, пребывая в иной этнической среде.

Литература

- Абрамзон М.Г. 2022. Клад из башни Узунларского вала. В: Кузнецов В.Д. (ред.). *Hurania. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Москва: Институт археологии РАН, 5—20.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2009. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.)*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-петербургского государственного университета; Нестор-История.
- Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука.
- Егорова Т.В. 2009. *Чернолаковая керамика IV—II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. Москва: МГУ им. М.В.Ломоносова.
- Журавлев Д.В. 2005. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время. *Antiqvitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 1, 235—254.

- Журавлев Д.В. 2011. Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея. *ПИФК* 4, 221—263.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2022. Столовая посуда и светильники из резиденции Хрисалиска. *ДБ* 27, 59—100.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. 2014. Предварительное изучение археологических памятников урочища Аджиэль. *Таврические студии* 6, 106—111.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. 2016. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль. *БИ XXXIII*, 110—136.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ XII*.
- КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
- Клемешова М.Е. 2018. Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ). *ДБ* 22, 85—103.
- Ланцов С.Б. 2001. К вопросу о пребывании войск понтийского царя Митридата VI Евпатора в Таврике. В: Иваненко П.И. (ред.). *175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции*. Керчь: Керченский Историко-Культурный заповедник, 63—66.
- Масленников А.А. 1990. *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* Москва: Наука.
- Масленников А.А. 1994. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым). *РА* 4, 176—184.
- Масленников А.А. 2003. *Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма*. Тула: Гриф и К.
- Масленников А.А. 2019. Сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму. *РА* 4, 134—143.
- Наумов Л.А. 2010. *Митридатовы войны: мысли дилетанта*. Москва: Волшебный фонарь.
- Смекалова Т.Н. 2018. О древних проездах через Узунларский вал. *ПИФК* 1, 24—38.
- Супренков А.А. 2018. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек. *ДБ* 22, 230—256.
- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. 2018. Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 г.). *Историческая и социально-образовательная мысль* 10 (5/2), 25—31.
- Ярцев С.В., Филатов Р.И. 2021. Некоторые вопросы обороны западных рубежей Европейского Боспора в период правления царя Асандра в I в. до н.э. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Классическая и византийская традиция. 2021: сборник материалов XV международной научной конференции*. Белгород: НИУ «БелГУ», 106—113.
- Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. 2023. К вопросу об интерпретации и локализации тафриев, а также местности и города с таким же названием на территории античного Крыма. В: Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 194—198.

References

- Abramzon, M.G. 2022. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN (Hypanis. Transactions of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 5—20 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy, V.A. 2009. *Voyennaya istoriya i voyennoye delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. — seredina III v. n.e.) (Military history and military affairs of the Cimmerian Bosporus (6th century BCE — mid-3rd century CE))*. Saint Peterburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; Nestor-Istoriya (in Russian).
- Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Late Scythians in Crimea)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Egorova, T.V. 2009. *Chernolakovaya keramika IV—II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma (Black-glazed ceramics of the 4th — 2nd centuries BCE from the sites of the North-Western Crimea)*. Moscow: MGU im. M.V.Lomonosova (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 2005. In *Antiqvitas aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal (Antiqvitas aeterna. Volga Region Journal of Antiquities)* 1, 235—254 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. 2011. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture)* 4, 221—263 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2022. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 27, 59—100 (in Russian).

- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. 2014. In *Tavricheskie studii (Tauride Studii)* 6, 106—111 (in Russian).
- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L., Yartsev, S.V. 2016. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XXXIII, 110—136 (in Russian).
- Zubar, V.M., Zinko, V.N. 2006. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XII (in Russian).
- KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
- Klemeshova, M.E. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 85—103 (in Russian).
- Lantsov, S.B. 2001. In: Ivanenko, P.I. (ed.). *175 let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostey. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (175 years of the Kerch Museum of Antiquities. Proceedings of the international conference)*. Kerch: Kerchenskiy Istoriko-Kul'turnyy zapovednik, 63—66 (in Russian).
- Maslennikov, A.A. 1990. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e. (The population of the Bosporan state in the first centuries CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Maslennikov, A.A. 1994. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 176—184 (in Russian).
- Maslennikov, A.A. 2003. *Drevnie zemlyanye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma (Ancient earthen border-defensive structures of Eastern Crimea)*. Tula: Grif i K (in Russian).
- Maslennikov, A.A. 2019. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 4, 134—143 (in Russian).
- Naumov, L.A. 2010. *Mitridatovy voyny: mysl' diletanta (Mithridatic wars: thoughts of an amateur)*. Moscow: Volshebnyy fonar' (in Russian).
- Smekalova, T.N. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture)* 1, 24—38 (in Russian).
- Suprenkov, A.A. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 230—256 (in Russian).
- Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Smekalov, S.L. 2018. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' (Historical and socio-educational thought)* 10 (5/2), 25—31 (in Russian).
- Yartsev, S.V., Filatov, R.I. 2021. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya. 2021: sbornik materialov XV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Classical and Byzantine Tradition. 2021: collection of materials of the 15th international scientific conference)*. Belgorod: NIU “BelGU”, 106—113 (in Russian).
- Yartsev, S.V., Shushunova, E.V., Vnukov, A.A. 2023. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon: quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Materials of the international scientific conference)*. Saint Peterburg: Chisty list, 194—198 (in Russian).

Рис. 1. Фрагмент донца сероглиняной тарелки с темнолаковым покрытием из «Адзиэль I».

Fig. 1. Fragment of the bottom of a grey clay plate with dark lacquer coating from “Adzhiel I”.